

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС.
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

УДК 342.565.2

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/26-33>

КОНСТИТУЦИОННАЯ ЮСТИЦИЯ
В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
(НА ОСНОВЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

С. Д. Князев

Санкт-Петербургский государственный университет

CONSTITUTIONAL JUSTICE IN THE CONTEXT
OF EURASIAN ECONOMIC INTEGRATION
(BASED ON THE LEGAL POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL
COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION)

S. D. Knyazev

Saint Petersburg State University

Аннотация: анализируются вопросы, связанные с возможностью и пределами осуществления судебного конституционного контроля в отношении правовых актов ЕАЭС. Опираясь на положения Конституции Российской Федерации, автор делает вывод, что такие акты не могут быть полностью выведены из орбиты конституционного правосудия при условии признания за ними автономного значения в правовом обеспечении евразийской экономической интеграции.

Ключевые слова: правопорядок ЕАЭС, конституционное правосудие, Суд ЕАЭС, национальная правовая система, межгосударственное правовое регулирование, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации.

Abstract: the paper analyses the issues related to possibility and limits for judicial constitutional supervision in respect of EAEU legal acts. Referring to the provisions of the Constitution of the Russian Federation the author concludes that such legal acts cannot be placed completely outside the scope of constitutional supervision, if they are accepted as having autonomous meaning in the legal framework of Eurasian economic integration process.

Key words: legal order of the EAEU, constitutional justice, Court of the EAEU, national legal system, interstate legal framework, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Нет особой потребности в доказывании того, что евразийская экономическая интеграция нуждается в эффективном правовом оформлении, не мыслимом без детального системного урегулирования всего комплекса складывающихся в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) отношений. При этом значительный масштаб полномочий, передаваемых государствами – участниками ЕАЭС на уровень

интеграционного объединения, неминуемо акцентирует внимание не только на формировании соответствующей наднациональной (как договорной, так и вторичной) нормативной правовой базы их осуществления, но и на не менее важной задаче обеспечения ее единообразного уяснения и применения¹. Данное обстоятель-

¹ См.: *Неушатаева Т. Н.* Суд Евразийского экономического союза : от правовой позиции к действующему праву // *Международное правосудие.* 2017. № 2. С. 64–79.

ство, естественно, подразумевает решающую роль судов в достижении необходимого единства национальных правовых систем и образующих право ЕАЭС нормативных актов, особенно с учетом наличия у данного интеграционного объединения собственного суда.

Вопрос о соразмерной, лимитированной разумными пределами возможности осуществления судебного конституционного контроля в отношении договорных и других актов, образующих нормативную основу правопорядка интеграционных объединений (союзов) государств, как и о соотношении полномочий и правовых позиций конституционных и наднациональных судебных органов, привлекает к себе, начиная с первых лет образования Евразийского экономического сообщества (далее – ЕврАзЭС), а впоследствии и ЕАЭС, повышенное внимание. И хотя, на первый взгляд, применительно к российской действительности – поскольку контроль за соответствием Конституции РФ вступивших в силу международных договоров России выведен из компетенции Конституционного Суда РФ – он едва ли предполагает какое-либо положительное решение, по крайней мере с точки зрения буквальной интерпретации соответствующих норм, устанавливающих тотальный запрет проверки конституционности вступивших в силу международных соглашений о создании интеграционных объединений, в том числе ЕАЭС, равно как и иных (вторичных) нормативных актов, принятых в их развитие на межгосударственном уровне.

Между тем в юридической литературе справедливо отмечается, что формирование Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, а затем и ЕАЭС, объективно привело к трансформации ряда отраслей национального (внутреннего) права, в первую очередь таможенного, в инструменты наднационального правового регулирования, что вполне предсказуемо повлекло за собой необходимость поиска и внедрения в практику органов конституционной юстиции адекватных подходов к обеспечению реализации и защиты конституционных ценностей не только в границах собственной правовой системы, но и в отношении договорных и иных (вторичных) актов, составляющих нормативную базу правопорядка соответствующих союзов². Как следствие, принимая во внимание со-

здание – согласно ст. 19 Договора о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) – в качестве постоянно действующего союзного судебного органа Суда ЕАЭС, целью которого является обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами ЕАЭС как упомянутого Договора, так и международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза. Это неизбежно означает необходимость согласования правовых позиций конституционных судов и Суда ЕАЭС, высказанных ими при проверке подконтрольных им актов на предмет соответствия национальным конституциям (основным законам), с одной стороны, и Договору о Евразийском экономическом союзе и (или) международным договорам в рамках Союза – с другой.

По смыслу преамбулы Договора о Евразийском экономическом союзе безусловное соблюдение всеми заключившими его сторонами принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также их приверженность общепризнанным принципам и нормам международного права предполагают обязанность всех государств – членов этого Союза, равно как и его органов, гарантировать реализацию и защиту основных прав и свобод в полном соответствии со своими обязательствами, вытекающими из данного Договора. В силу этого, рассуждая о правовых позициях Суда ЕАЭС, нельзя упускать из виду, что специфика правопорядка названного Союза требует от него обеспечения бесконфликтного сосуществования интеграционного права как с общепризнанными принципами и нормами международного права, так и с национальными правопорядками, производными прежде всего от конституционных традиций государств-членов³. В результате в решениях Суда ЕАЭС обозначился вектор, ориентированный на согласование его аргументационно-интерпретационной деятельности как с общеправовыми принципами, при-

за // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 2. С. 1–9 ; *Тарибо Е. В.* Проблемы классификации товаров при ввозе на таможенную территорию ЕАЭС : практика конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2023. № 1. С. 1–3.

³ Необходимость применения Судом ЕАЭС при отправлении правосудия общепризнанных принципов и норм международного права – в отличие от его обращения к конституционным ценностям (положениям) – прямо зафиксирована в п. 50 (подп. 1) Статута Суда ЕАЭС.

² См.: *Казанцев С. М.* Особенности контроля конституционности Таможенного кодекса Таможенного сою-

знанными международным сообществом (цивилизованными нациями), так и с закрепленными на уровне каждого входящего в состав Союза государства конституционными гарантиями прав и свобод и тем самым позволяющий именно в контексте интеграционного объединения добиваться наиболее высокого стандарта защиты прав человека⁴.

В то же время демонстрируемое Судом ЕАЭС устойчивое намерение учитывать при принятии своих решений конституционные гарантии основных прав и свобод, являющиеся для его участников категорическим императивом – оправданное в контексте гармоничного сближения правопорядков государств – членов Союза – не может, конечно, само по себе способствовать обеспечению полной согласованности вырабатываемых им правовых позиций с конституционными предписаниями (установками), задающими отправные параметры развития различных национальных правовых систем, особенно в контексте присущей им конституционной идентичности⁵. Думается, что ожидать иного от этого судебного органа было бы излишне опрометчиво, ибо его компетенция в соответствии с п. 39 Статута Суда ЕАЭС ограничена исключительно разрешением споров, возникающих по заявлению государства-члена или хозяйствующего субъекта относительно отдельных аспектов интеграционного правопорядка, и вовсе не охватывает собой полномочий по обеспечению верховенства и прямого действия конституций государств – членов Союза. Это налагает на конституционные суды, в том числе Конституционный Суд РФ, особую ответственность за осуществление конституционного контроля в целях защиты основ конституционного строя и основных прав и свобод человека и гражданина, тем более в случаях, когда названные конституционные ценности испытывают на себе непосредственное воздействие правопорядка ЕАЭС.

⁴ См., например: *Нешатаева Т. Н.* Общие принципы права и практика Суда Евразийского экономического союза // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 4. С. 27–38 ; *Энтин К. В.* Общие принципы права интеграционных объединений как тайное оружие Суда ЕС и Суда ЕАЭС // Международное правосудие. 2022. № 2. С. 64–83 ; *Дьяченко Е. Б.* Отправление правосудия в судах интеграционных объединений : автореф. дис.... д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 22.

⁵ Подробнее см.: *Зорькин В. Д.* Конституционно-правовое развитие России. М., 2019. С. 263–278.

Несмотря на то что Конституционный Суд РФ формально лишен каких-либо возможностей проверять вступившие в силу международные договоры Российской Федерации (ст. 125 Конституции РФ и ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), это тем не менее не может служить непреодолимым препятствием для целей осуществления, хотя бы и ограниченного рамками суверенитета Российской Федерации, возложенных на него полномочий, направленных на обеспечение конституционных гарантий прав и свобод, если реализация последних затрагивается (осложняется) договорами, принятыми внутри ЕАЭС, либо решениями наднациональных органов Союза, и в отношении соответствующего межгосударственного (евразийского) правового регулирования. И даже помня о том, что такой взгляд имеет немало оппонентов в российской доктринальной среде⁶, можно с определенной долей уверенности утверждать, что накопленный Конституционным Судом РФ опыт безусловно позволяет оценить некоторые из принятых им решений как попытку не уклоняться от осуществления своей правоохранительной функции⁷ в делах, касающихся соответствия правовых актов ЕАЭС, пусть и преимущественно посвященных таможенному регулированию, российским конституционным принципам, целям и ценностям.

Изначально Конституционный Суд РФ пытался старательно избегать формирования прямого ответа на вопрос о возможности осуществления конституционного нормоконтроля применительно к правовым актам, принимаемым в рамках евразийской экономической интеграции. Во всяком случае в определениях от 17 ноября 2011 г. № 1487-О-О и от 2 июля 2013 г. № 1050-О он сознательно не стал обосновывать наличие или отсутствие у него имплицитных

⁶ По понятным причинам они в основном фокусировались на Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решениях Европейского Суда по правам человека. См., например: *Ковлер А. И.* «Моральный суверенитет» перед лицом «государственного суверенитета» в европейской системе защиты прав человека // Международное правосудие. 2013. № 3. С. 52–63 ; *Морцакова Т. Г.* О некоторых актуальных проблемах конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 3. С. 118–120.

⁷ См.: *Князев С. Д.* Конституционный Суд в правовой системе Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 6–7.

полномочий по проверке конституционности тех или иных актов евразийского интеграционного объединения, а лишь указал на то, что когда отдельные положения Таможенного кодекса таможенного союза имеют схожий по содержанию характер с утратившими силу нормами Таможенного кодекса РФ, в отношении которых Конституционным Судом РФ ранее был выявлен их конституционно-правовой смысл, такие положения наднационального нормативного акта в силу ст. 15 (ч. 1 и 4) и 79 Конституции РФ не могут применяться без учета правовых позиций, раскрывающих данный смысл.

Впервые Конституционный Суд РФ, по сути, констатировал возможность конституционной проверки правовых актов, образующих нормативную основу правопорядка ЕАЭС, по запросу Арбитражного суда Центрального округа, в котором тот просил проверить конституционность п. 4 Порядка применения освобождения от уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию Таможенного союза (утв. решением Комиссии Таможенного союза от 15 июля 2011 г. № 728). В принятом по указанному запросу Определении Конституционного Суда РФ от 3 марта 2015 г. № 417-О был сформулирован ряд принципиальных правовых позиций, заложивших методологическую основу конституционного судопроизводства не только в вопросе о допустимости конституционной проверки отдельных правообразующих актов ЕАЭС, но и в отношении согласования принимаемых им решений с актами, исходящими от Суда ЕАЭС.

В числе этих правовых позиций прежде всего необходимо упомянуть о том, что Конституционный Суд РФ, опираясь на ст. 79 Конституции РФ, согласно которой Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя России, и учитывая ее истолкование, предпринятое им в постановлении от 27 марта 2012 г. № 8-П, сделал фундаментальный вывод о том, что участие Российской Федерации в Таможенном союзе не образует каких-либо предпосылок для отступления от верховенства Конституции РФ и, следовательно, не освобождает ее как правовое государство от ис-

полнения своей обязанности признавать, соблюдать и защищать права человека и гражданина. В противном случае основанная на всеобщем принципе *pacta sunt servanda* конституционная обязанность Российской Федерации рассматривать заключенные ей международные договоры в качестве части своей правовой системы, имеющей коллизионный приоритет перед российскими законами (ст. 15 (ч. 4) Конституции РФ), и продиктованное данной обязанностью безоговорочное стремление непременно исполнить принятые на себя обязательства в отношениях с другими государствами могут приводить к нарушению прав и свобод человека и гражданина.

Конечно, при оценке Конституционным Судом РФ решений Комиссии Таможенного союза (в настоящее время – Евразийской экономической комиссии) не могут не учитываться правовые позиции Суда ЕврАзЭС (ЕАЭС), которые ни при каких обстоятельствах не подлежат пересмотру национальными судебными органами. Но так как они лишь подтверждают соответствие оспариваемых правовых актов, в частности решений Комиссии, международным договорам, заключенным участниками межгосударственного (интеграционного) объединения (либо признают их не соответствующими таким договорам), и не разрешают вопроса о конституционности таких актов, эти правовые позиции не могут выступать основанием для отступления от содержащегося в ст. 17 (ч. 1) Конституции РФ требования признания и гарантирования прав и свобод человека и гражданина не только согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, но и в соответствии с конституционными установлениями. Поэтому применение правовых актов интеграционного объединения, даже если правомерность их издания подтверждена Судом ЕврАзЭС (ЕАЭС), в обязательном порядке подразумевает согласованный учет требований Конституции РФ и международного договора (соглашения) о создании межгосударственного объединения, а также основанных на них решений конституционного и наднационального судов с тем, чтобы исключить возможность нарушений конституционных прав и свобод граждан и юридических лиц.

Тот факт, что приведенные правовые позиции были высказаны Конституционным Судом РФ посредством вынесения определения, а не постановления, несколько не снижает их юридического значения. Во-первых, в соответствии со

ст. 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» все его решения – независимо от вида – являются обязательными на всей территории Российской Федерации для всех органов публичной власти, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений. Во-вторых, не стоит забывать, что они были сформулированы Конституционным Судом РФ посредством принятия определения не в связи с отказом в проверке конституционности оспоренного наднационального правового акта, а потому что запрос арбитражного суда не требовал дальнейшего рассмотрения дела и вынесения итогового решения в виде постановления.

Чтобы еще раз убедиться в этом, достаточно обратиться к Определению от 2 апреля 2015 г. № 583-О, в котором Конституционный Суд РФ, возвращаясь к вопросу проверки конституционности упомянутого решения Комиссии Таможенного союза и не подвергая сомнению правовую оценку Судом ЕврАзЭС относительно его соответствии международным договорам государств – участников Таможенного союза, последовательно указал, что органы государственной власти Российской Федерации, включая суды, должны, беспристрастно опираясь на тщательное изучение фактических обстоятельств конкретного дела, в том числе в контексте действия оспоренного решения Комиссии во времени, в пространстве и по кругу лиц, применять его положения на основе согласованного учета требований Конституции РФ, производных от них правовых позиций Конституционного Суда РФ и таможенного законодательства Таможенного союза, не допуская нарушения конституционных прав и свобод граждан и их объединений.

Таким образом, суммируя изложенное, можно заключить, что Конституционный Суд РФ пришел к принципиальному выводу, согласно которому нормы ЕврАзЭС (ЕАЭС) не могут обладать абсолютным приоритетом в правовой системе Российской Федерации, а их имплементация в национальный правовой порядок, в том числе в интерпретации, содержащейся в решениях Суда ЕврАзЭС (ЕАЭС), не должна приводить к игнорированию конституционных гарантий основных прав и свобод человека (их объединений), сопряженному с реальным риском их нарушения.

Аналогичного подхода к оценке источников права ЕАЭС, во многом отталкиваясь от правовых позиций Конституционного Суда РФ, при-

держивается и Верховный Суд РФ, разъяснивший в целях обеспечения единства практики применения судами таможенного законодательства в условиях функционирования ЕАЭС, что коллизионный приоритет права Союза не может приводить к нарушению прав и свобод граждан (их объединений), гарантированных Конституцией РФ; в частности, при применении актов Союза, которые устанавливают (изменяют, прекращают) права и обязанности участников таможенных отношений, в том числе по уплате таможенных платежей и использованию льгот по уплате таможенных платежей, должны учитываться принципы поддержания доверия к закону и действиям государства, недопустимости придания обратной силы новому таможенному регулированию, ухудшающему положение участников внешнеэкономической деятельности (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза»)⁸.

Итогом совместных усилий, предпринятых высшими судами Российской Федерации, стала существенная корректировка практики применения правовых актов ЕАЭС, вследствие которой национальные суды перестали, по общему правилу, ссылаться на право ЕАЭС в обход внутригосударственного законодательства, тем более когда оно не вполне оптимально согласуется с конституционными принципами⁹. Представляется, что критическая оценка национальными судами значения правовых актов ЕАЭС и, соответственно, решений Суда ЕАЭС – при условии деликатного характера такой оценки – в целом будет способствовать оптимальному сопряжению интеграционного и национального правопорядков, а также взаимному учету Судом ЕАЭС и российскими судами, включая Конституционный Суд РФ, сформулированных ими правовых позиций при осуществлении своей правосудной деятельности.

⁸ Схожее разъяснение содержалось и в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 мая 2016 г. № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства», утратившем силу с момента принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 49.

⁹ См.: *Васякина Е. В.* Применение норм международного права судами Российской Федерации. Оренбург, 2020. С. 47.

Сопоставимых правовых позиций относительно допустимости осуществления судебного конституционного контроля в отношении правовых актов ЕАЭС придерживаются и конституционные суды иных государств – участников евразийской экономической интеграции. Так, Конституционный Суд Республики Армения, опираясь на положения республиканской Конституции, посчитал, что нормы права, хотя и являющиеся источником интеграционного права, но по своей юридической природе подпадающие под категорию «закон», могут стать предметом конституционной проверки в порядке последующего нормоконтроля, в том числе с учетом их прикладной трактовки правоприменительной практикой. Но вместе с тем рассмотрение нормы, содержащейся в актах ЕАЭС, не должно ни при каких обстоятельствах завершаться выводом о ее неконституционности. По мнению Конституционного Суда Республики Армения, если по результатам проверки оспариваемой нормы интеграционного объединения, в частности статьи Таможенного кодекса ЕАЭС, будет выявлено ее расхождение с Конституцией Республики Армения, наиболее предпочтительным представляется конституционно-правовое истолкование такой нормы, в конечном итоге не отрицающее примата права ЕАЭС над национальным законодательством¹⁰.

Исследование влияния правовых позиций Суда ЕАЭС на отправление конституционного судопроизводства было бы неполным без всестороннего анализа Определения Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2022 г. № 191-О, в котором перед ним был поставлен вопрос о неконституционности отсутствия в российском законодательстве института пересмотра по новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных актов арбитражных судов в связи с определением или изменением решением Суда ЕАЭС практики применения правовой нормы Союза, подтверждающим нарушение прав и законных интересов хозяйствующих субъектов.

Конституционный Суд РФ не усмотрел в оспоренном правовом регулировании (ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации) нарушения конститу-

ционного права на судебную защиту, поскольку из ст. 46 (ч. 3) Конституции РФ, наделяющей каждого правом в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства защиты, в совокупности с ее ст. 1 (ч. 1), 15 (ч. 1, 2 и 4), 17 (ч. 1), 67.1 (ч. 1) и 79 не вытекает, что в случае участия Российской Федерации в межгосударственных объединениях, предполагающих создание межгосударственного судебного органа, ее национальным законодательством в обязательном порядке – безотносительно к содержанию соответствующего международного договора – должен предусматриваться пересмотр решений внутригосударственных судов на основе актов межгосударственного суда. Соответственно, принимая во внимание существенные различия, характеризующие статус тех или иных межгосударственных образований, а также полномочия создаваемых ими наднациональных судов, участие России в таких образованиях не может свидетельствовать о наличии конституционно значимых причин для автоматического распространения на решения любых межгосударственных судебных органов, образованных в соответствии с международными договорами Российской Федерации (в том числе на решения Суда ЕАЭС), правовых позиций, выраженных в постановлении Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П, которые главным образом были детерминированы закрепленной в ст. 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод обязанностью Российской Федерации исполнять окончательные постановления Европейского Суда по правам человека, в которых она является стороной.

Принятие Конституционным Судом РФ этого Определения исключает – в системе действующего правового регулирования – какие-либо попытки ретроактивного применения актов Суда ЕАЭС в интересах пересмотра решений национальных судебных органов, что, наверное, не препятствует иному варианту решения данного вопроса, особенно если такой вариант будет оформлен договорным способом государствами – участниками ЕАЭС.

Говоря о конституционном правосудии в отношении правопорядка ЕАЭС, нельзя не обратить внимания на то, что в последнее время в Российской Федерации достаточно активно об-

¹⁰ См.: Тунян А. Г. Проблемы судебного контроля в отношении нормативных актов ЕАЭС // Обеспечение эффективности доступа к правосудию в ЕАЭС. Минск, 2023. С. 96–99.

суждалась идея создания – взамен Европейского Суда по правам человека – самостоятельного национального или межгосударственного судебного органа, отвечающего в качестве последней инстанции за правозащитную деятельность в соответствии с главой 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции РФ. Причем нередко сторонники появления данного суда, стремясь избежать пересечения его полномочий с компетенцией Конституционного и Верховного судов РФ, высказываются в пользу придания ему наднационального статуса посредством учреждения в рамках либо ЕАЭС, либо СНГ¹¹.

При всей привлекательности таких предложений очевидно, что необходимой предпосылкой для формирования межгосударственного судебного органа по правам человека выступает договорное разрешение заинтересованными государствами вопроса о стандартах (критериях), которые составят нормативную основу его деятельности по отправлению правосудия. Представить же себе, что входящие в состав соответствующих союзов страны смогут согласовать такие стандарты, особенно применительно к СНГ, в текущий момент времени крайне маловероятно. Это означает, что, не отвергая саму возможность, пусть даже преимущественно гипотетическую, создания Суда ЕАЭС по правам человека, было бы целесообразнее сосредоточиться на изыскании дополнительных ресурсов судебной правозащитной деятельности в наличных условиях.

В заключение хотелось бы отметить, что формы (каналы) взаимодействия Конституционного Суда РФ и Суда ЕАЭС бесспорно не исчерпываются обозначенными примерами, а потому вряд ли могут быть подвергнуты сплошной инвентаризации. Их перечень наверняка будет пополняться как за счет содержательного наполнения практики конституционного судопроизводства на национальном уровне, так и – особенно в перспективном плане – благодаря динамике евразийской экономической интеграции, а также ее влиянию на статус, полномочия и юридическую силу актов Суда ЕАЭС. Однако в любом случае сбалансированное сопряжение соответствующих правовых процессов должно сопровождаться их качественным обогащением, способствующим усилению межгосударственных начал развития Союза.

¹¹ См.: Кокотов А. Н. Конституционный Суд России как суд по правам человека // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 2. С. 1–3.

Библиографический список

Васякина Е. В. Применение норм международного права судами Российской Федерации. Оренбург, 2020. 92 с.

Дьяченко Е. Б. Отправление правосудия в судах интеграционных объединений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. 37 с.

Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2019. 448 с.

Казанцев С. М. Особенности контроля конституционности Таможенного кодекса Таможенного союза // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 2. С. 1–9.

Князев С. Д. Конституционный Суд в правовой системе Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 5–13.

Ковлер А. И. «Моральный суверенитет» перед лицом «государственного суверенитета» в европейской системе защиты прав человека // Международное правосудие. 2013. № 3. С. 52–63.

Кокотов А. Н. Конституционный Суд России как суд по правам человека // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 2. С. 1–6.

Морцакова Т. Г. О некоторых актуальных проблемах конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 3. С. 117–124.

Нешатаева Т. Н. Общие принципы права и практика Суда Евразийского экономического союза // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 4. С. 27–38.

Нешатаева Т. Н. Суд Евразийского экономического союза : от правовой позиции к действующему праву // Международное правосудие. 2017. № 2. С. 64–79.

Тарибо Е. В. Проблемы классификации товаров при ввозе на таможенную территорию ЕАЭС : практика конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2023. № 1. С. 1–3.

Тунян А. Г. Проблемы судебного контроля в отношении нормативных актов ЕАЭС // Обеспечение эффективности доступа к правосудию в ЕАЭС. Минск, 2023. С. 93–100.

Энтин К. В. Общие принципы права интеграционных объединений как тайное оружие Суда ЕС и Суда ЕАЭС // Международное правосудие. 2022. № 2. С. 64–83.

References

Dyachenko E. V. Administration of justice in the courts of integration associations : dr. legal sci. diss. abstr. Moscow, 2023. 37 p.

Entin K. V. General principles of the law of integration associations as a secret weapon of the Court of the EU and the Court of the EAEU // International Justice. 2022. No. 2. P. 64–83.

Kazantsev S. M. Features of the control of the constitutionality of the Customs Code of the Customs Union // *Journal of Constitutional Justice*. 2013. No. 2. P. 1–9.

Knyazev S. D. The Constitutional Court in the legal system of the Russian Federation // *Journal of Russian Law*. 2013. No. 12. P. 5–13.

Kokotov A. N. The Constitutional Court of Russia as a court of human rights // *Journal of Constitutional Justice*. 2022. No. 2. P. 1–6.

Kovler A. I. "Moral sovereignty" in the face of "state sovereignty" in the European system of human rights protection // *International justice*. 2013. No. 3. P. 52–63.

Morshchakova T. G. On some urgent problems of constitutional justice // *Comparative Constitutional Review*. 2017. No. 3. P. 117–124.

Neshataeva T. N. General principles of law and practice of the Court of the Eurasian Economic Union //

Journal of Constitutional Justice. 2022. No. 4. P. 27–38.

Neshataeva T. N. The Court of the Eurasian Economic Union : from the legal position to the current law // *International justice*. 2017. No. 2. P. 64–79.

Taribo E. V. Problems of classification of goods when imported into the customs territory of the EAEU : the practice of constitutional justice // *Journal of Constitutional Justice*. 2023. No. 1. P. 1–3.

Tunyan A. G. Problems of judicial control in relation to regulatory acts of the EAEU // *Ensuring effective access to justice in the EAEU*. Minsk, 2023. P. 93–100.

Vasyakina E. V. Application of the norms of international law by the courts of the Russian Federation. Orenburg, 2020. 92 p.

Zorkin V. D. Constitutional and legal development of Russia. Moscow, 2019. 448 p.

Санкт-Петербургский государственный университет

Князев С. Д., судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор кафедры административно-го и финансового права, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации

E-mail: knyazev@ksrf.ru

Поступила в редакцию: 07.11.2023

Для цитирования:

Князев С. Д. Конституционная юстиция в условиях евразийской экономической интеграции (на основе правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации) // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2023. № 4 (55). С. 26–33. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/26-33>.

Saint Petersburg State University

Князев С. Д. Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor of the Administrative and Financial Law Department, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation

E-mail: knyazev@ksrf.ru

Received: 07.11.2023

For citation:

Knyazev S. D., Constitutional justice in the context of Eurasian economic integration (based on the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation) // *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2023. № 4 (55). P. 26–33. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/26-33>.